

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть двадцать первая.

Встреча на том свете после долгой разлуки

Глава 106. С чего же начать поиски учителя?	5
Глава 107. Потрет учителя.	16
Глава 108. Дихунь учителя.	28
Глава 109. Вторая дихунь учителя	41
Глава 110. Прошлое щенка, о котором учитель ничего не знает	53
Глава 111. Учитель — клинок, а ты — вода	77

Часть двадцать вторая.

Мы встретились, но снова далеки

Глава 112. Нельзя оскорблять учителя.	89
Глава 113. Учитель в плену	102
Глава 114. Учитель, соглашайтесь	112
Глава 115. Учитель уже связан клятвой	122
Глава 116. Учитель встречается с Жун Цзю	134
Глава 117. Учитель велел мне выметаться	147

Часть двадцать третья.

За годы душа моя сбросила кожу

Глава 118. Даже учитель порой попадает впросак.	161
---	-----

Глава 119. Четыре частицы души учителя собираются вместе . . .	177
Глава 120. Учитель в затворе	195
Глава 121. Только учителя можно звать уважаемым наставником.	208
Глава 122. Отражение учителя	220
Глава 123. Учитель мне является во снах, он знает: я тоскую по нему	232

Часть двадцать четвертая. Под сброшенной кожей — уважаемый наставник

Глава 124. Учитель возвращается к жизни	249
Глава 125. Учителю не нужно искать спутницу на пути совершенствования	260
Глава 126. Учитель, подождите меня еще одну главу!	277
Глава 127. Учитель, осторожно, здесь скользкое дно	288
Глава 128. Учитель, не перепутайте одежду	298
Глава 129. Учитель, вы довольны тем, что видите?	310

Часть двадцать пятая. Мы с учителем снова вместе

Глава 130. Учитель, я вижу вас впервые за пять лет.	321
Глава 131. Учитель читает	331
Глава 132. Учитель и Ши Мэй	342
Глава 133. Учитель прекрасно умеет держать мысли в чистоте	353
Глава 134. У учителя хороший аппетит	361
Глава 135. Учитель украдкой учится	371

Часть двадцать шестая. Вместе в эти славные молодые годы

Глава 136. Учитель, расслабьтесь немного	382
Глава 137. Мы с учителем остались на ночлег в чужом краю	391
Глава 138. Учитель — самый притягательный человек для других	401
Глава 139. Хороших снов, учитель	415

Глава 140. Учитель, переверните	426
Глава 141. Учитель обливается ледяной водой.	440

Часть двадцать седьмая.

За годом год вы как недосыгаемая луна

Глава 142. Учитель, это настоящая пытка.	448
Глава 143. Оказывается, учитель для меня — недосыгаемый лунный свет, кровь моего сердца и моя величайшая беда	453
Глава 144. Учитель, луна сегодня такая красивая	465
Глава 145. Теперь учителю есть с кем разделить трапезу	474
Глава 146. Учитель, она что, правда собирается замуж?	487
Глава 147. Учитель, давайте поговорим	498
Глава 148. Учитель — настоящий чудик	508
Глава 149. Учитель, я не могу встать.	517

Часть двадцать восьмая.

Пролился лунный свет на ваше сердце

Глава 150. Мы с учителем поменялись комнатами	530
Глава 151. Учитель, вчера я сказал это сгоряча.	536
Глава 152. Смотрите, учитель! Это Мэй Ханьсюэ!	544
Глава 153. Глава, которого учитель ненавидит больше всех	553
Глава 154. Учитель, я пойду навещу Е Ванси	566
Глава 155. Учитель, вы потрясены?	583
Глава 156. Учитель прекрасно ездит верхом	592

Часть двадцать девятая

Сердце помнит дела давно минувших дней

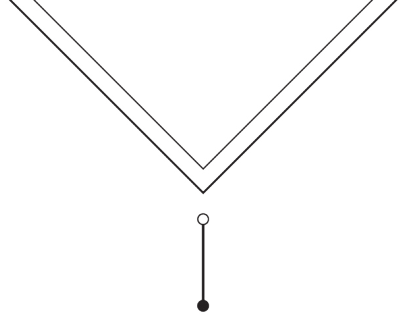
Глава 157. Учитель, на самом деле в ту первую брачную ночь я...	606
Глава 158. Учитель пьет за счастье жениха и невесты	620
Глава 159. Учитель, больше всего на свете я боюсь Тяньвэнь	632
Глава 160. Учитель, вы еще помните технику изменения голоса, с которой мы столкнулись тогда на постоялом дворе?	641

Глава 161. Учитель, я возьму вас в полет	651
Глава 162. Учитель, я буду сражаться вместе с вами	664

Часть тридцатая.

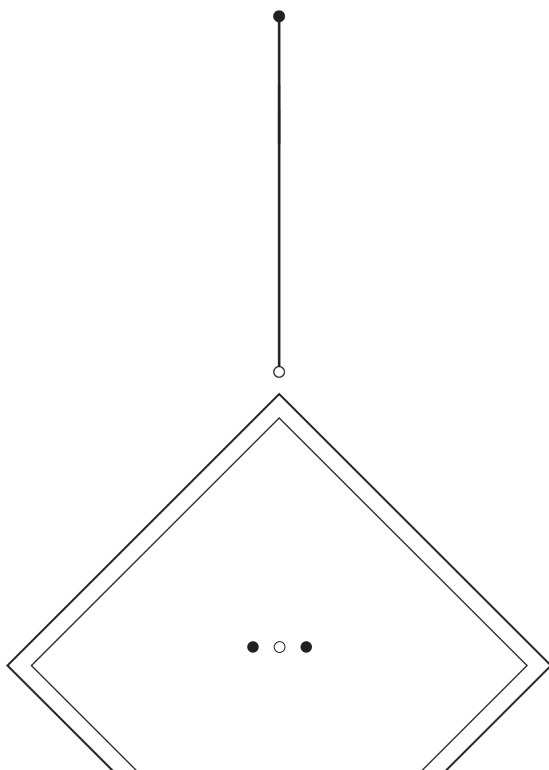
Все зыбко и изменчиво, как дым

Глава 163. Учитель и Бугуй	678
Глава 164. Учитель убивает своего ученика	695
Глава 165. Учитель, это он	709
Глава 166. Госпожа Жун, которую так уважал учитель	721
Глава 167. Учитель, я не хочу, чтобы вас снова поливали грязью	735
Глава 168. Учитель, здесь оживший покойник.	749
Глава 169. Учитель, это первая запретная техника	762
Глава 170. Учитель, не смотрите на это непотребство	773
Глава 171. Учитель, школе Жуфэн пришел конец	785

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА НА ТОМ СВЕТЕ ПОСЛЕ
ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

ГЛАВА 106

С чего же начать поиски учителя?

— **П**огиб, потому что впал в безумие? — медленно повторил стражник и хмыкнул. — Совершенствующийся, что ли?

— Угу.

— Такой юный, а уже сюда загремел. Какая несправедливость.

Солдат притворно улыбнулся. Многие люди рождаются на свет без особых способностей, не обладают достаточной мудростью и не могут совершать великих дел; и когда подобные личности принимаются насмехаться над даосскими совершенствующимися, они уподобляются той самой лисе из басни про виноград — самим не дано, вот и высмеивают.

— Но душа-то твоя, как я погляжу, какая-то неправильная. Нечистая.

Великий мастер Хуайцзуй наложил на Мо Жаня заклинание, которое скрывало его духовную силу и позволяло общаться с другими душами, поэтому стражник не мог его раскусить. И все же что-то настораживало солдата. Он неспешно опустил обратно на стул и закинул ногу на ногу,

а затем извлек из выдвижного ящика мерную линейку иссиня-черного цвета.

— Линейка обмера злодеяний, — пояснил он торжествующим тоном, хотя причин для радости у него, в общем-то, не было: линейка ему даже не принадлежала. Впрочем, как известно, чем ниже чин, тем больше хочется поважничать.

Стражник шлепнул линейкой об стол, поднял на Мо Жаня глаза и сказал:

— Протяни-ка руку и дай мне измерить твои, так сказать, прижизненные заслуги.

Озадаченный Мо Жань промолчал.

Прижизненные заслуги? Да после этих измерений стражник арестует его и отправит напрямик к владыке Яньло, который мигом сотрет его в порошок!

Впрочем, деваться Мо Жаню было некуда, все взгляды были направлены на него. Оставалось лишь со вздохом высвободить одну руку и, придерживая фонарь другой, протянуть ее солдату.

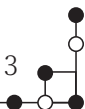
Стоило стражнику приложить линейку к запястью Мо Жаня, как из нее тотчас послышались ужасающие, пронзительные вопли. Под звуки горестных стенаний тысяч и тысяч голосов на черном дереве линейки, бурля, проступила свежая кровь. Голоса кричали:

- Даже после смерти не успокоюсь...
- Мо Вэйюй, чтоб тебе вечно не видать перерождения!!!
- Отец! Матушка! Сукин ты сын, да за что? За что?!
- Не надо... Умоляю, не надо...

Мо Жань побледнел как полотно и резко отдернул руку.

Стражник же впился ему в лицо свирепым взглядом и какое-то время не отводил глаз, но потом все-таки опустил голову и посмотрел на линейку.

Она уже перестала светиться алым, и кровь тоже куда-то исчезла, словно и не была настоящей. На чистой, гладкой

поверхности медленно проявилась строка из нескольких иероглифов: «Злодеяния непростительны. Препроводить на...»

На какой уровень? Мо Жань отдернул руку раньше, чем линейка успела закончить измерения, поэтому надпись осталась неполной.

Стражник яростно вцепился в руку Мо Жаня и со злорадством вперился ему в лицо. Он напоминал заскучавшего охотника, которому наконец удалось поймать в сети редкую птицу. Его ноздри алчно раздувались, глаза азартно блестели, побрякушки на стрелах раскачивались и звенели.

— Не шевелись! Я измерю еще раз.

Сгорая от нетерпения, стражник с жадностью вцепился в руку юноши, и на его лице отразилось радостное предвкушение грядущего повышения.

Глубоко вонзив ногти в кожу на запястье Мо Жаня, он подтащил его ближе и с остервенением помешанного снова прижал к его руке линейку обмера злодеяний.

Если ему удастся распознать душу, достойную самого нижнего, восемнадцатого уровня преисподней, это будет его огромной заслугой. Он сразу получит повышение, его переведут на другую должность, и больше не придется целыми днями торчать у этих ворот, ведя учет нескончаемым новоселам царства мертвых.

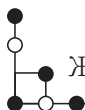
— Давай-ка, измеряй, хорошенько измеряй!

Линейка обмера злодеяний вновь вспыхнула алым. С нее опять закапала кровь, и воздух огласили душераздирающие крики. Сила ненависти тысяч невинно убиенных была столь велика, что линейка едва не сломалась пополам.

— Ненавижу...

— Как же я ненавижу тебя, Мо Вэйюй...

Лицо Мо Жаня все сильнее мрачнело. Он сжал губы в тонкую линию и опустил глаза. В тот момент никто бы не смог понять, что скрывалось в глубине его глаз.

- У тебя ни стыда ни совести!
- Сукин ты сын!!!
- А-а-а-а!..

Плач, вопли, проклятия и крики ненависти лились нескончаемым потоком. Вдруг в какой-то момент Мо Жань расслышал посреди хаоса голосов чей-то тихий, едва уловимый вздох.

- Прости меня, Мо Жань. Твой учитель виноват...

Глаза Мо Жаня резко распахнулись, и их наполнила горечь.

Он вновь услышал те самые слова из прошлой жизни, что Чу Ваньнин произнес перед смертью. Нежный, грустный голос вонзился в него острым кинжалом и стал безжалостно вкручиваться все глубже, будто намереваясь расколоть его душу на части.

Вскоре все звуки стихли, и линейка обмера злодеяний вернулась в спокойное состояние.

На ее поверхности снова проступил ряд мелких иероглифов: «Злодеяния непростительны. Препроводить на...»

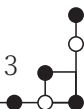
На этот раз Мо Жань не отдернул руку, а строчка все равно осталась неполной!

Опешивший стражник провел по линейке ладонью.

- Испортилась, что ли?

Однако в тот самый миг, когда он хлопнул по ней, линейка внезапно мелко задрожала. Строка сама собой стерлась, и из черного дерева пробилось ослепительно яркое божественное сияние.

Вместо криков и стенаний изнутри слышались мелодичные звуки, подобные пению голосистых фениксов. Казалось, сами Небеса явили свою милость и даровали обитателям мира мертвых возможность услышать торжественную музыку, что раздавалась лишь под сводами Десяти небесных дворцов. Все души у врат мигом очутились в плену опьяняющих звуков; даже стражник, заслушавшись, невольно впал в задумчивость.

Лишь когда чудесная мелодия наконец затихла, солдат резко пришел в себя и вновь бросил взгляд на линейку. Новая надпись на ней гласила: «Обычная душа. Пропустить».

— Невероятно! — воскликнул стражник.

Только что ведь было написано, что «злодеяния непростительны»! Как эта душа может быть «обычной»?

Не желая сдаваться, стражник схватил линейку обмера злодеяний и принялся снова и снова прикладывать ее к руке юноши, но результат всякий раз был неизменен: сперва воздух сотрясали душераздирающие вопли, затем звучала божественно красивая музыка, и на черной поверхности линейки появлялись слова: «Обычная душа. Пропустить».

Сказать, что стражник был разочарован, — ничего не сказать. Не имея никаких оснований задерживать «обычную душу», он яростно прозвенел своими висюльками на стрелах и пробурчал:

— Видимо, ты и впрямь сюда из-за безумия попал.

Мо Жань был не меньше удивлен благосклонностью линейки. Поразмыслив над произошедшим, он предположил, что на нее повлияло заклятие мастера Хуайцзуня, и выдохнул с облегчением.

— Забирай свою бирку и катись! И так уже отнял у меня, уважаемого человека, кучу времени! Давай-давай, убирайся с глаз долой! — прикрикнул стражник.

Приказ не пришлось повторять дважды. Обхватив руками фонарь с частицами души учителя, Мо Жань уже шагнул к воротам, как вдруг глаза стражника недобро блеснули и он рявкнул:

— А ну, стой!

Сердце Мо Жана пустилось вскачь, но на лице он старался сохранить самое невозмутимое выражение.

— Что на этот раз? — с притворной усталостью в голосе поинтересовался юноша.

Стражник дернул подбородком:

— Что у тебя в руках?

— А, это... — В голове Мо Жаня мелькнула блестящая мысль. Он погладил фонарь ладонью и с улыбкой ответил: — Это мой ритуальный сосуд, его захоронили вместе со мной.

— Ритуальный сосуд?

— Ага, он самый.

— Хм, как интересно... — Солдат с блестящими глазами указал пальцем на стол. — Положи-ка свой ритуальный сосуд сюда, и мы снова измерим твои злодеяния. Вполне может быть, что этот твой ритуальный сосуд сбил с толку линейку обмера злодеяний.

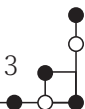
Про себя Мо Жань уже давно поносил этого тупицу последними словами, но делать было нечего. Он поставил фонарь призыва души на стол и снова с волнением протянул руку.

Предвкушая успех, стражник плотно прижал к его запястью линейку. И что же? Ряд крупных иероглифов совершенно ясно гласил: «Обычная душа. Пропустить».

Даже сам Мо Жань ничего не понимал, а уж о стражнике и говорить нечего. Пусть и с неохотой, но он махнул рукой, пропуская Мо Жаня.

Подхватив фонарь, юноша двинулся вперед по длинной мощеной дорожке меж толстых стен, туда, где мерцал луч света. За воротами взору Мо Жаня предстало призрачное царство во всей его красе.

Это был первый уровень преисподней, занимавший столь необъятное пространство, что охватить его взглядом не представлялось никакой возможности. Небо было окрашено в алый, словно на нем застыли кипучие всполохи огненной зари. Тут и там из-под земли поднимались диковинные гибкие лианы и стволы причудливых деревьев; по обеим сторонам улиц высились простые каменные

дома с черепичной кровлей, а участки подальше были густо застроены более богатыми поместьями, похожими на дворцы. У самого входа в преисподнюю стояла гигантская каменная глыба с надписью: «Тела ваши вернутся в землю, а души — в царство Нанькэ». Рядом с камнем над дорогой возвышалась величественная красная арка, на которой золотыми иероглифами размером со взрослого мужчину было выведено: «Царство Нанькэ».

Так выглядел самый верхний, первый уровень, который именовался царством Нанькэ. Попав в загробный мир, души временно поселялись здесь, а спустя восемь-десять лет, получив вызов к судье, спускались на второй уровень и получали свой приговор. Мо Жань с фонарем в руках продолжал идти вперед, глаза по сторонам.

Надо признать, внешне загробное царство почти ничем не отличалось от мира живых — все те же улицы, дома и увеселительные заведения. В этом городе насчитывалось восемнадцать улиц: девять прорезали его вдоль, и девять — поперек. Куда бы Мо Жань ни посмотрел, его взгляд повсюду натывался на призрачных жителей, которые вели себя совсем как при жизни: радостно смеялись, грустили или даже плакали от горя. Мо Жань ощущал себя так, словно очутился посреди ночного демонического шествия*.

До него донеслись всхлипы какой-то женщины:

— Что же делать? Что же мне делать? Все говорят, будто женщину, вышедшую замуж дважды, не ждет ничего хорошего!**. Это правда? Кто-нибудь, ответьте, неужели это правда?

* В Азии существует поверье, что по ночам призраки и демоны часто ходят толпой по улицам и если живой человек поневоле окажется среди участников такого ночного шествия, ему грозит скорая гибель.

** Отсылка к рассказу Лу Синя «Моление о счастье» здесь и далее, где упоминается доска для порога.

Рядом с ней сидела и утирала слезы молодая полуобнаженная девушка с всклокоченными волосами.

— Я вовсе не хотела ни с кем спать за деньги, жизнь заставила... — говорила она. — Пошла в местный храм, хотела пожертвовать на доску для порога, чтобы тысячи прихожан топтали ее как бы вместо моего тела и помогали мне искупать вину за мои злодеяния. А деревенский староста взял и сказал, что я должна заплатить четыреста лянов золотом и только тогда мне позволят заменить доски у порога. Мне нужны были эти деньги! Иначе разве стала бы я торговать своим телом?..

В другой стороне какой-то мужчина вслух считал:

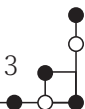
— Четыреста один, четыреста два, четыреста три... Мы договорились, что, когда я уйду, она уйдет вслед за мной. Но я провел здесь уже четыреста четыре дня, а ее почему-то все нет! Где же она? Ох, она такая нежная и хрупкая! Неужто она заблудилась где-то по пути? А если так, то что же мне делать?

Новоприбывшие души, пока неготовые принять свою судьбу, толпились у входа в город и не ступали за арку. Зато чем дальше шел Мо Жань, тем более зрелые души попадались ему на пути — «старички», которые уже давно смирились со своим положением.

Эти вели себя намного спокойнее и уравновешеннее. Многие даже нашли себе занятие, чтобы скоротать оставшийся до вызова к судье срок.

Уже на третьей по счету улице Мо Жаня встретил большой и шумный рынок, ничуть не отличавшийся от рынков мира смертных.

В конце концов, все эти души пока не порвали со своими старыми привычками из земной жизни. Те, кто прежде смерти зарабатывал на хлеб уличными выступлениями, продолжали давать их и здесь; портнихи и в загробном

мире шили одежду, а мясники, хоть и не осмеливались больше убивать животных, охотно занимались заточкой ножей и ножниц.

На рынке царило большое оживление, отовсюду доносились крики зазывал и восторженные возгласы.

Мо Жань подошел к одному из духов, который продавал пейзажи и свитки с каллиграфией. Скорее всего, при жизни ему не удалось продать ни одного свитка, поэтому он выглядел болезненным и истощенным от голода: обтянутые кожей выступающие скулы, едва не прилипающий к позвоночнику впалый живот.

Заметив присевшего перед лотком посетителя, худой и низкорослый живописец поднял на него мутный взгляд. Голос его, однако, звучал довольно живо:

— Желаете приобрести картину, господин?

— Я бы хотел, чтобы вы нарисовали для меня портрет.

— Изображениям людей, в отличие от пейзажей, всегда недостает глубины замысла, — ответил мастер с некоторой досадой. — Вот, взгляните на эту картину. Она называется «Облака над горой Тайшань»...

— Я не люблю пейзажи, — перебил Мо Жань. — Хочу, чтобы вы изобразили одного человека.

— Не любите пейзажи? — Мастер возрился на юношу с видимым неудовольствием. — Вы очень юны, господин, а воспитывать в себе художественный вкус важно именно смолodu. Для этого вам следует почаще смотреть на прекрасные картины. Я вовсе не собирался продавать «Облака над горой Тайшань», но раз уж вы изволили подойти и заинтересоваться товаром, думается мне, вы все же кое-что понимаете в искусстве, так что готов отдать этот пейзаж деше...

— Мне нужен портрет.

Живописец молча уставился ему прямо в глаза, но переиграть Мо Жана в гляделки ему было явно не под силу — вскоре

он сдался и опустил взгляд, кипя от злости. От гневного румянца его лицо нездорового желтого оттенка даже как будто посвежело.

— Я таким не занимаюсь. Нужен портрет — цена будет в десять раз выше обычной.

— В загробном мире тоже есть деньги? — удивился Мо Жань.

— Конечно, не даром ведь члены семьи и друзья сжигают на могиле ритуальные деньги, — равнодушно ответил мастер. — Мошна туга — всяк ей слуга. Я, конечно, не из тех, кто пойдет на все ради денег, но и благородному мужу приходится зарабатывать на жизнь честным трудом. Ты мне не родственник и не приятель, возвышенной дружбы, вроде той, что связывала некогда Боя и Цзыци*, между нами нет. С какой стати я должен трудиться для тебя бесплатно?

Дух болтал без умолку и сыпал умными цитатами, которые на плохо образованного Мо Жаня не производили никакого впечатления. Он нахмурился и произнес:

— Я только прибыл, и мне еще никто не успел нажечь ритуальных денег.

— Нет денег — нет портрета, — отрезал мастер.

Мо Жань ненадолго задумался, и ему в голову пришла одна идея. Он указал пальцем на «Облака над горой Тайшань» и сказал:

— Ладно, не хотите — не надо. Но раз мне все равно нечем заняться, может, расскажете побольше об этой картине?

Опешивший мастер тотчас сменил гнев на милость:

— Вам правда интересно?

* Речь идет о дружбе мастера игры на цине Юй Боя и простого дровосека Чжун Цзыци, который очень любил слушать его музыку. Легенда гласит, что, когда Чжун Цзыци умер, Юй Боя разбил инструмент и никогда больше не играл.